Митрополит Иларион: Новомученики и исповедники Российские являются славой нашей Церкви

6 февраля 2016 года гостем передачи «Церковь и мир», которую на телеканале «Россия-24» ведет митрополит Волоколамский Иларион, стал директор Мемориального центра «Бутово» Игорь Гарькавый.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир».

7 февраля празднуется собор новомучеников и исповедников Церкви Русской. Кто такие новомученики и исповедники? Как так получилось, что в XX веке вера в Бога вдруг была объявлена преступлением, и за принадлежность к Церкви сажали в тюрьмы, репрессировали и расстреливали?

В ближнем Подмосковье, в 6-ти километрах от кольцевой дороги есть место - Бутовский полигон. В 1936-1937 годах там ежедневно расстреливали людей. Конечно, не всех из них расстреляли за веру, но среди расстрелянных немало новомучеников и исповедников Церкви Русской. Мы сегодня поговорим об этом с директором Мемориального центра «Бутово» Игорем Владимировичем Гарькавым.

Здравствуйте, Игорь!

И. Гарькавый: Здравствуйте, владыка!

Действительно Бутовский полигон – русская Голгофа, как сказал когда-то, приехав на это святое место, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Это место полито кровью тысяч и тысяч людей.

К сожалению, в нашей стране таких мест очень много: более 100 подобных объектов сейчас находится в базе данных общества «Мемориал». Их появление связано с той политикой государственного террора, которая проводилась с момента возникновения советской власти в 20-30-е годы (особенно в середине 30-х годов), когда совершались страшные массовые операции. Тогда по оперативному приказу Николая Ежова за номером 00447 по всему Советскому Союзу началась охота на антисоветский элемент – на людей, которых советская власть уничтожала не за реальные преступления, а либо за происхождение, гражданскую позицию, либо за

идеологические взгляды, религиозные убеждения. Поскольку эти репрессии носили характер конвейера (людей арестовывали по заранее спущенным сверху цифрам, по статистике, которую утверждали в Москве в Политбюро, и дальше на местах органами НКВД этих людей находили и уничтожали), было предписано выделить специальные места для их захоронения, потому что обычных кладбищ и крематориев не хватало.

Так в Московском регионе появился Бутовский полигон, а точнее, как тогда называлось это место, Бутовская спецзона НКВД. Действительно, сейчас по документам, которые находятся у нас в руках, по тем спискам, которые опубликованы, в том числе в книге памяти «Бутовский полигон», мы можем утверждать, что на Бутовском полигоне с 8 августа 1937 года по 19 октября 1938 года было расстреляно и захоронено 20 тысяч 761 человек.

Митрополит Иларион: У меня есть пять томов этой книги, которые содержат просто списки расстрелянных людей: фамилии, имена, отчества, даты рождения и даты расстрела. Только списки расстрелянных, без какой-либо дополнительной информации, составляют пять томов. То есть мы говорим о том, что государство совершало преступление против собственного народа, потому что отыскивали так называемый антисоветский или контрреволюционный элемент, но под эту статью можно было приплести все что угодно. Сосед мог расправиться с соседом, обвинив его в антисоветских высказываниях, сказав, что он у себя на кухне говорил что-то против Ленина или Сталина или выразил недовольство существующим строем.

Эта система массовых репрессий работала по всей стране. Таких мест, как Бутовский полигон, действительно, немало. Просто не все они идентифицированы, не так ухожены. Но, к сожалению, для многих москвичей даже Бутовский полигон продолжает оставаться местом, о котором те ничего не знают. В наше время есть люди, которые о советском времени имеют достаточно иллюзорное представление, не зная о совершавшихся тогда преступлениях.

И. Гарькавый: Владыка, сейчас таких томов книги памяти уже семь. В них публикуются уникальные материалы из Государственного архива Российской Федерации, в том числе и акты о приведении в исполнение приговоров, которые, на мой взгляд, являются самым красноречивым и самым важным документом. Например, сейчас я открыл книгу на странице с актом от 2 сентября 1937 года, в котором говорится: «Мы, нижеподписавшиеся…» – и далее перечисляются офицеры НКВД, которые приводили приговор в исполнение, после чего идет список на 111 человек. А здесь у меня ксерокопия еще более страшного документа – это акт о приведении в исполнение приговора на 230 человек.

Таких актов мы можем привести очень много, это самый главный источник по Бутовскому полигону. В этом одна из уникальных черт Бутовского мемориального комплекса. В других местах

– либо данные еще не рассекречены, либо, может быть, не все бумаги найдены. Но по Бутовскому полигону, во всяком случае за тот период, о котором мы говорили, на 20 тысяч 761 человека найдены акты о приведении приговоров в исполнение.

Бутовский полигон имеет еще одну уникальную черту: это единственный в своем роде церковно-общественный мемориал подобного масштаба и степени обустроенности, который существует в нашей стране, потому что Церковь с 1995 года взяла на себя ответственность за сохранение этого места, за увековечивание памяти пострадавших, за работу с архивными делами, за строительство памятника. Сейчас на очереди строительство музея.

Церковь в первую очередь обратила внимание на тех людей, которые пострадали на Бутовском полигоне за веру. И всех удивил факт, что из всех известных нам такого рода мест, здесь большая концентрация священно и церковнослужителей.

Митрополит Иларион: Один из расстрелянных на Бутовском полигоне – священник Константин Любомудров, который был настоятелем храма в честь иконы «Всех скорбящих Радость» в городе Москве. Сейчас я настоятель этого храма, и мы, конечно, чтим этого мученика нашего времени. В нашем храме есть его икона.

Действительно, в числе расстрелянных были и архипастыри, и священнослужители. Причем, когда читаешь эти списки, поражаешься, ведь расстреливали совершенно без разбора: и мужчин, и женщин, и 15-16-ти летних подростков, и людей преклонного возраста, которым было за 80 лет. Один из расстрелянных – митрополит Серафим (Чичагов), ему шел тогда 82 год и его, как говорят, несли на носилках.

И. Гарькавый: Дело в том, что у него была в развитой степени водянка, он не мог ходить, передвигался только в инвалидном кресле. Чтобы доставить на Лубянку, где его допрашивали (по другой версии – в Таганскую тюрьму), его увезли на карете скорой помощи, потому что машина чекистов не была оборудована должным образом.

Митрополит Иларион: А на расстрел этих заключенных возили на грузовиках с надписью «Хлеб».

И. Гарькавый: Да.

Митрополит Иларион: Хлебовозы разъезжали по Москве, и никто не знал, что на самом деле в них везут.

Вы назвали эту страницу в истории нашего Отечества страшной. Она действительно страшная, черная. Это позорная страница. С другой стороны, мы говорим о том, что мученики являются славой Церкви. И собор новомучеников и исповедников Российских является церковным торжеством. Мы его называем праздником, то есть для нас это не траурный день, а праздничный. И вот здесь, конечно, у многих возникает вопрос: почему, собственно, Церковь торжествует? Почему она празднует? Церковь прославляет героизм духа людей, которых не сломили никакие репрессии, угрозы и пытки, ведь сегодня из документальных свидетельств, из свидетельств очевидцев мы знаем, как происходило давление на людей, как пытались правдами и неправдами выбить из них показания.

И, конечно, к сожалению, были люди, которых сломила эта машина и они не вошли в число новомучеников и исповедников, хотя и были расстреляны. И здесь мы тоже можем объяснить нашим телезрителям, по каким критериям мы отбираем лица для канонизации, ибо не всякий расстрелянный, не всякий репрессированный автоматически становится мучеником. Мы знаем, что люди, которые в те годы расстреливали, потом сами же попадали под расстрел. Но этот факт не является основанием, чтобы их канонизировать.

И. Гарькавый: На Бутовском полигоне лежит Мартын Лацис – один из помощников Дзержинского, когда-то один из "крестных отцов" красного террора. Конечно, на Бутовском полигоне мы поминаем всех пострадавших. Мы считаем пострадавшими всех без исключения, даже тех, кто пострадал, может быть, внеся свою лепту в строительство государства, которое использовало методы террора в качестве одного из инструментов своего влияния на общество. И 30 октября, когда зачитываются общие расстрельные списки на Бутовском полигоне, имя Мартына Лациса мы тоже читаем. Но, безусловно, тех, кто пострадал за веру, мы выделяем особо.

В 1937 году случаев давления на священников во время следствия, когда их уговаривали снять с себя сан или отречься от Бога, было очень мало. Это характерно для более ранних этапов становления советского репрессивного аппарата – в 20-х, и начале 30-х годов такие случаи еще бывали. Но дело в том, что к 1937 году священник, а тем более епископ, оставшийся верен своей священнической присяге, уже прекрасно понимал, что его ожидает.

Как правило, все те священнослужители, которые были потом расстреляны на Бутовском полигоне, еще раньше побывали в советских тюрьмах или лагерях. Некоторые по несколько раз были в ссылках, тюрьмах. Из них, конечно, самая удивительная судьба у владыки Аркадия (Остальского), одного из тех семи архиереев, которые были расстреляны в Бутово. Владыка Аркадий 9 лет отсидел в Соловецком лагере особого назначения. В заключении он проводил богослужения, за что и был арестован, причем вместе с Василием Гундяевым, дедушкой Патриарха Кирилла. Он освободился только в январе 1937 года, добрался до Москвы, просил

благословить его на новое место для служения. И пока этот вопрос решался, он был в Калуге. Получив благословение на Бежецкую кафедру, владыка сел на поезд, но в поезде был арестован сотрудниками НКВД и 29 декабря 1937 года расстрелян на Бутовском полигоне. Вот пример, как человек за один год прошел от Соловков до Бутовского полигона. И таких судеб очень много.

Митрополит Иларион: Причем расстреливали, как Вы сказали, без суда и следствия, то есть не было никакой реальной судебной процедуры и следственных действий. Просто брали человека и расстреливали, потому что надо было заполнить разнарядку, отчитаться перед партией, что план по выявлению контрреволюционных и антисоветских элементов выполнен. И, конечно, священнослужители были в первой расстрельной когорте, потому что это был наиболее очевидный антисоветский элемент.

И. Гарькавый: Их прямо перечисляет приказ № 00447, упоминает церковников, которых требуется подвергнуть репрессиям.

Это было не просто каким-то частным решением, связанным с политической или внешнеполитической ситуацией 30-х годов. Мы имеем дело с учением, идеологией, которая опиралась на практику превентивного классового террора. Людей уничтожали не за то, что они сделали, а за то, что они могли бы сделать. Причем, в этой оценке возможного их вреда, который они только могли нанести Советскому государству, политики того времени, руководившие нашей страной, в том числе, конечно, и Сталин, исходили из марксистско-ленинского учения о классовой природе человека – что его происхождение определяет его мышление, его позицию, фактически все его социальное бытие. Поэтому главным источником информации для чекистов в то время становятся как анкетные данные из карточек людей, уже бывших под арестом, так и просто адресные книги, в которых было написано, кем был человек до революции. Его происхождение фактически определяло его судьбу.

Митрополит Иларион: И не только происхождение. Чтобы угодить под эту расстрельную машину, было достаточно просто быть сыном священника.

Я хотел бы все-таки вернуться к теме мучеников, потому что нас часто спрашивают: "Почему из всей массы расстрелянных вы выбрали только определенные имена? Кого-то вы канонизируете, а кого-то – нет. Причем эта процедура у вас закрытая. Почему вы тогда не объявляете, если человек не был канонизирован, то по каким причинам этого не произошло?"

Процесс канонизации в Церкви очень трудоемкий. Он основывается, прежде всего, на изучении следственных дел, протоколов допросов. Особенно активно этот процесс шел в 90-е и начале 2000-х годов, когда были доступны многие документы и удалось изучить следственные дела.

Причем следственные дела показывают, как вел себя подследственный вплоть до своей последней возможности отречься от веры или оговорить кого-то из своих ближних. Если при изучении таких протоколов выясняется, что имело место отречение от веры или человек оговорил других, в результате чего были арестованы и расстреляны другие лица, то, конечно, таких людей не канонизируют, несмотря на то, что они потом тоже были расстреляны.

Основанием для канонизации является тот факт, что человек до конца прошел голгофский путь и нигде не споткнулся. Конечно, это мы и называем мученическим подвигом. Те же, кто споткнулись, не вошли в списки новомучеников и исповедников.

Общее число реальных мучеников и исповедников мы, наверное, никогда не узнаем. Вот почему в 2000 году на Архиерейском Соборе было принято решение канонизировать всех новомучеников и исповедников Церкви Русской - и тех, кого мы знаем по именам, и тех, которые известны одному Богу. При этом параллельно продолжается процесс поименной канонизации новомучеников, о которых известно, что они никого не предали, никого не оговорили, пройдя до конца крестным путем. Думаю, что этот процесс канонизации будет длиться еще очень и очень долго.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: https://mospat.ru/ru/news/49766/